

А. И. Богомолов

Рецензия на монографию: *Ammon Ph. Georgien zwischen Eigenstaatlichkeit und russischer Okkupation: Die Wurzeln des russisch-georgischen Konflikts vom 18. Jahrhundert bis zum Ende der ersten georgischen Republik (1921). Klagenfurt–Wien: Kitab-Verlag, 2015. 232 S. ISBN978-3-902878-45-8*

Уже заглавие книги показывает, что внимание читателей она должна была привлечь в первую очередь освещением событий самых последних лет — которые на Западе называют «олимпийской войной 08.08.2008», а в российской политической риторике — «принуждением к миру». В предисловии автор указывает: «Напряженность сегодняшних взаимоотношений между Грузией и Россией нельзя понять, не зная о ранах, нанесенных в XVIII и XIX вв.» (S. 9).

Книга вышла в небольшом австрийском издательстве “Kitab” (Книга — араб.), специализирующемся на выпуске книг по истории и культуре Ближнего Востока, а также современной художественной литературы Австрии и стран Балканского полуострова. Из авторского предисловия читатели узнают, что в данном исследовании речь идет о небольшой гористой стране (размером с Баварию) с небольшим населением и древней историей, которая берет свое начало еще в античные времена; что эта страна располагается на удобном перекрестке маршрутов из Европы в Азию между несколькими крупными державами, а потому неоднократно становилась объектом внешнеполитических споров, прямых завоеваний и борьбы за влияние между соперниками по «Большой игре»; что у этой страны сложная история отношений «любви

и ненависти» с давним большим соседом — некогда мощной империей к северу от ее границ, — и понять причины нынешней напряженности в этих отношениях трудно, не имея представления о событиях прошлых веков. Собственно, уже на этом месте читателю из Австрии, Словении, Сербии, Хорватии, Боснии и Герцеговины, хотя бы и незнакомому с Кавказом и Закавказьем, тема перестанет быть «чужой».

Книга состоит из введения, семи глав, заключения и библиографии.

Во введении (S. 7–22) автор обосновывает актуальность проблемы исследования, поясняет структуру работы, методологический инструментарий, понятийный аппарат и терминологию. В небольшом издательском предисловии оговариваются для немецкоязычных читателей правила написания и транскрипции имен и терминологии на церковнославянском, русском и грузинском языках.

Здесь небольшое замечание вызывает намерение автора передавать имена российских подданных немецкого происхождения в немецкоязычной, а не в устоявшейся русскоязычной традиции употребления — например, барон Ган именуется “Nahn” вместо русифицированного “Gan”. Хотя, несомненно, немецкоязычному читателю так удобнее. Грузинские имена передаются в современной грузинской транскрипции: “Erek’le II” (в русскоязычной традиции имя обычно записывается «Ираклий II»), русские имена — в немецкоязычной транскрипции (“Katharina die Große” — «Екатерина Великая»).

Слегка сбивает с толку включение введения и заключения в общий перечень разделов: всего содержательных глав семь, но поскольку главой I в оглавлении обозначено введение (Einleitung) (S. 7–21), то фактически повествование начинается с главы II «Предыстория — христианская Грузия и Третий Рим» (S. 22–39). Как бы то ни было, повествование начинается очень издали. Автор показывает, что здесь именно тот случай, когда события прошлого напрямую воздействуют на современность: при оправдании роли России в августовской войне («олимпийской войне») 2008 г. постоянный представитель России при НАТО Дмитрий Рогозин ссылаясь не на что иное, как на всё тот же «Георгиевский трактат» (S. 16).

Основное внимание в работе уделяется XIX в. и рассмотрению конфликтов, возникавших с момента перехода от протектората к аннексии 1801 г. (глава IV «Грузия под властью России в XIX веке», S. 61–96). Эти конфликты проявлялись на разных уровнях политического: в отторжении прежнего порядка новой имперской системой управления и в длительном сопротивлении специфическим моментам «модернизации». Важнейшими из таких конфликтных моментов автор считает отстранение от власти династии Багратидов, далее — вытеснение грузинского языка из сферы государственного делопроизводства и школьного преподавания и, в особенности, почти не рассматривавшееся ранее в литературе вмешательство в грузинскую церковную жизнь.

Политика имперской администрации, проводившаяся отчасти деятельными, отчасти неумелыми или коррумпированными, наконец панславистски на-

строенными представителями царского режима, встречала непонимание и отторжение, приводя к постоянно вспыхивающим восстаниям. Тем не менее, полагает Аммон, простая и понятная объяснительная схема самодержавной империи и угнетенной нации составляет всего лишь один, хотя и значимый аспект русско-грузинской истории. Не следует оставлять без внимания достижения России в Закавказье.

Оглядываясь назад, пишет автор, можно заметить исторические шансы в российско-грузинских отношениях. Грузинская симпатия к России нашла свое равновесное отражение в русской тяге к Кавказу и тематике «кавказской романтики». Эти эмоциональные аспекты российско-грузинских отношений в том виде, в каком они проявлялись в XIX и в XX вв. — прежде всего в русской литературе, в меньшей степени — в грузинской, автор постарался осветить в главе V «Симпатия и отчуждение» (S. 97–125).

Не случайно, полагает Ф. Аммон, грузинское национальное движение новейшего времени возникает уже в тот момент, когда интеграция Кавказа в состав империи кажется успешно завершённой. В последней трети XIX в., одновременно с национальным движением, в результате освобождения крестьян в игру вступают социальные и идеологические моменты, которые меняют формат грузино-российских отношений. Несмотря на интернационалистскую теорию, социалистические течения становятся средством проявления национальных чувств и более или менее ярко выраженных стремлений к политической независимости.

Повествование о кратком периоде независимости Грузии в 1918–1921 гг. под меньшевистским руководством (глава VIII) предваряется рассказом об этих идеологических тенденциях (формально — марксистских, *de facto* — национальных), а также об их представителях в период накануне Первой мировой войны (глава VI «Национальное движение», S. 126–150).

Несмотря на общую ориентированность на европейские светские национальные движения, для «младогрузин» из окружения Ильи Чавчавадзе главным вопросом было сохранение грузинской церковной традиции. Никогда не угасавшие национально-церковные устремления как острый политически конфликтный момент особенно интенсивно проявляются около 1900-х гг.

После рассмотрения церковного конфликта (глава VII “Der Kirchenkonflikt”, S. 151–179) автор переходит к освещению исторических условий независимости Грузии в условиях завершения Первой мировой войны в Закавказье, кратко описав внутренние и внешнеполитические проблемы республики, а также ее конец, организованный, по выражению автора, грузинскими большевиками и русскими генералами (глава VIII “Von der Revolution bis zum Ende der ersten georgischen Republik” («От революции до конца первой грузинской республики»), S. 180–211).

Книга вызывает интерес не только своим довольно широким обзором предыстории истории Грузии и грузинско-российских отношений, в котором раздел,

освещающий собственно историю начала XX в., занимает не слишком большую часть. В отличие от множества современных работ, эта продумана и методологически выстроена. Культурно-исторический подход, примененный автором к рассмотрению предыстории многогранного конфликта, позволяет заострить внимание на политически значимых явлениях, которые могут остаться незамеченными при использовании тенденциозно-социологического подхода. Столь длительный, казалось бы, переход автора к сравнительно короткой истории Грузинской республики, затрагивающий не только предысторию «младогрузин» — политической элиты независимой Грузии, но и церковную историю тысячелетней давности, позволяет наглядно показать, что формирование грузинской нации и национального сознания коренится не только в «эпохе Модерна», но и опирается на многовековую религиозную традицию. Культурно-историческое единство регионов и царств разобщенной исторической Грузии во многом опиралось именно на грузинское православие. Эта патриархально-религиозная традиция во многом обусловила и устойчивость грузинского общества в условиях многовекового натиска с юга, со стороны Османской империи и Ирана, и длительную обоюдную симпатию обеих стран к единоверцам, но она же породила и первые серьезные конфликты при попытке имперской администрации унифицировать религиозные практики и язык богослужения.

В главе IV, посвященной модернизации Грузии в XIX в., автор высказывает довольно важное концептуальное замечание: трансформация Грузии, происшедшая под эгидой России, лучше всего объясняется при помощи веберовского понятия «бюрократического общества». С характеристикой того типа властных отношений, что господствовал в Закавказье до прихода туда России, всё обстоит несколько сложнее. Опираясь на труд франко-грузинского кавказоведа Георги Шарашидзе, Аммон предпринимает попытку рассмотрения социальной структуры грузинского общества XVIII–XIX вв. Он приходит к выводу о множестве параллелей в истории европейского и грузинского средневековья. Вместе с тем «грузинская модель» выглядит более архаичной. Отличие от европейского дворянского мира заключалось в том, что грузинское общество представляло собой более проницаемую сословную среду, в которой индивид, будь то благородный или не благородный, господин, лично свободный или зависимый, мог легко изменить свой правовой статус. Наряду с этим историческую специфику страны составляло существование социального слоя свободных крестьян в высокогорье и на равнине, которые, в свою очередь, жили в своеобразном семейном союзе с несвободными, зависимыми от них крестьянами. Роль церкви и монастырей как наделенного землей духовного столпа грузинского царства вписывается в уже очерченную картину «феодализма». При этом на протяжении почти тысячи лет, несмотря на территориальную раздробленность, а также типичную нелояльность дворянства по отношению к центральной власти, сам по себе царский статус династии Багратидов, поддерживаемый грузинской церковью, не оспаривался никем.

По ряду аспектов властные отношения в Грузии вплоть до XIX в. напоминают модель европейского средневекового уклада, «феодализм». Вместе с тем в этом случае более уместным представляется применить опять-таки понятие Макса Вебера о «патриархальном господстве», в котором сочетаются феномен традиционного господства над «землей» (= *patrimonium*) и патриархальный аспект господства над «народом (людьми)».

Как замечает Аммон, патриархальный характер грузинского общества непосредственно проявлялся в понятии *p'at'ronqoba*, под которым следует понимать всякого рода личную зависимость от «отеческого» господина (*p'at'roni*). В цепочку патрон-клиентских отношений входили не только дворяне. Так, в XVIII в. в число вассалов прославленного царя Ираклия Второго (*Erek'le II.*), помимо низших дворян (*aznaurni*), входили также проживавшие в Тбилиси купцы и ремесленники. Понятие «*p'at'roni*» (*p'at'roni*), как мимоходом, в сноске, отмечает автор, всё еще распространено сегодня в Грузии и обладает позитивным звучанием, что оказывает непосредственное влияние на политическую сферу общественных отношений. Но не только в политическом смысле: простые грузины ищут «*p'at'roni*», личного благодетеля, который защитит их от жизненных бедствий и поддержит их. В каком-то смысле грузинское поведение при поиске иностранной державы-покровителя — независимо от конкретного адресата — следует именно этой феодальной модели.

Апелляция к прошлым рыцарским идеалам, замечает Аммон, по-прежнему остается популярной грузинской самооценкой. Всё это, по-видимому, имел возможность наблюдать и социал-демократ Карл Каутский во время своего четырехмесячного пребывания в гостях в недолговечной меньшевистской республике, которое закончилось накануне большевистского вторжения в феврале 1921 г. Каутский отмечал, «что во всех слоях населения Грузии, как удел феодализма, остались экономическая беспечность и наслаждение вкусом жизни. К этому наследию относится и настоящая рыцарственность в лучшем смысле этого слова» (S. 21). В фарсовом искажении, иронически отмечает Аммон, мы сталкиваемся с этой милой грузинской самооценкой в начале 1990-х гг. в образе «*mhedriონნი*» (= рыцарей) под предводительством «вора в законе» Джабы Иоселиани, которые сначала совершили переворот против президента Гамсахурдиа, а затем мародерски бродили по стране во время последовавшей Гражданской войны (S. 21). Таким образом, «предмодерный (феодалистический)» характер грузинского общества до наших дней остается конфликтным фактором политической жизни.

Наконец, нельзя не упомянуть обширную и довольно эмоциональную филиппику, которую Аммон посвящает современной конструктивистской концепции формирования наций, отрицающей понятие нации как исторического субъекта, претендующего на политическую легитимность. Аммон резко полемизирует с оппонентами — теоретиками концепции «воображаемых сообществ» Бенедиктом Андерсоном и Эриком Хобсбаумом, а также с автором

«конструктивистской» истории грузинской нации Рональдом Суни. Если корни российско-грузинского конфликта можно проследить до далекого периода, пишет автор, то отсюда следует концептуальное понимание реальных исторических форм (в данном случае — грузинской нации в ее отношениях с Российской империей), которое отличается от идеологии «воображаемой нации», преобладающей сегодня в научном сообществе.

«Суни, потомок армянских иммигрантов, живущий в “чистом” договорном обществе США, исповедует конструктивистскую концепцию формирования нации, ссылаясь на Бенедикта Андерсона (“воображаемые сообщества”) и Эрика Хобсбаума (“изобретение традиции”): “Написание национальной истории — это чаще всего труд любви, выполняемый патриотами, которые в процессе создания повествовательного единства для прошлого своего народа выступают в роли как летописцев, так и изобретателей традиции... Расцвет национальных историй в XIX веке, в период становления нации и распространения национализма, свидетельствует об их значении и влиянии. Вместе с грамматиками, словарями и примерами национальные истории формировали самооценку и восприятие этнических групп, поскольку они разрабатывали свою собственную культурную и политическую повестку дня”».

Против провозглашенного Андерсоном понятия «изобретенная нация», которое сводится к постмодернистской деконструкции нации и идентичности, можно выдвинуть весомые возражения. Андерсон обосновывает свой тезис о нациях как «культурном продукте», создаваемом с конца XVIII в., преимущественно на примере трансформировавшихся в «национальные государства» бывших колоний в Юго-Восточной Азии (ярким примером тут служит Индонезия) и в Латинской Америке, происхождение которых может быть объяснено исключительно в контексте европейской колониальной экспансии и соотношения сил на политической карте. Перенос этой формы «построения нации» на другие, а именно — древние европейские или азиатские исторические ландшафты представляется сомнительным.

Более полезным для понимания текущих конфликтов представляется предложенное немецко-американским исследователем “cultural history” Фридрихом Г. Фридманом различие между «договорными обществами» (такими как США) и исторически сложившимися «органическими обществами».

Короче говоря, замечает Аммон, понятие «изобретенная нация», нацеленное на отсутствие исторической реальности, в ряде случаев неприменимо для рассмотрения современных регионов — очагов напряженности.

Завершить обзор работы Аммона хотелось бы еще одной цитатой, на сей раз — британского историка-русиста Хью Сетон-Уотсона: «...нации существуют; конфликты между нациями существуют; националисты у власти часто совершают насилие над человеческими правами своих подданных; и попытки отменить национальную принадлежность, даже когда они якобы предпринимаются во имя высшей человеческой солидарности, не достигают своей цели,

но увеличивают общую сумму взрывной человеческой ненависти в мире. Всё это убедило меня в том, что простое выступление против национализма мало помогает человечеству. Теперь мне кажется более желательным воздержаться от обвинений и скорее искать понимания и сострадания к страстям и слабостям как отдельных людей, так и народов».

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

А. И. Богомолов. Рецензия на монографию: *Ammon Ph. Georgien zwischen Eigenstaatlichkeit und russischer Okkupation: Die Wurzeln des russisch-georgischen Konflikts vom 18. Jahrhundert bis zum Ende der ersten georgischen Republik (1921)*. Klagenfurt–Wien: Kitab-Verlag, 2015. 232 S. // Петербургский исторический журнал. 2020. № 3 (27). С. 273–279

FOR CITATION

A. I. Bogomolov. Review on monograph: *Ammon Ph. Georgien zwischen Eigenstaatlichkeit und russischer Okkupation: Die Wurzeln des russisch-georgischen Konflikts vom 18. Jahrhundert bis zum Ende der ersten georgischen Republik (1921)*. Klagenfurt–Wien: Kitab-Verlag, 2015. 232 S. // Petersburg historical journal, no. 3, 2020, pp. 273–279

Автор: **Богомолов, Алексей Иванович** — к. и. н., научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

Author: **Bogomolov, Alexey Ivanovitch** — PhD, researcher, St Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences.

E-mail: iohannes@yandex.ru